Исх. № 1441 от 22.04.2015 г.

ОТЗЫВ ОППОНЕНТА

на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06: - археология
УСПЕНСКОГО Павла Сергеевича по теме:
«КРЕМАЦИОННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА VIII–XIII ВВ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК»
Москва: ИА РАН, 2015. 308с.+ Приложения 1-3 + Альбом: Рис.1-125.

Данная диссертация представляет собой самостоятельное обширное и глубокое научное исследование монографического характера. Оно посвящено актуальной и до настоящего времени недостаточно разработанной теме комплексного изучения раннесредневековых кремационных погребений VIII-XIII вв. н.э. в северо-западных районах Кавказского региона. П.С.Успенский аргументировано показывает актуальность и новизну своего труда, который действительно не имеет аналогов в историографии по масштабам и степени охвата многочисленных разновременных погребальных комплексов с обрядом трупосожжения, по системному описанию и детальной их характеристике, по разнообразию и соотнесенности применяемых методов, по междисциплинарному подходу к поставленной теме, по оригинальным обобщениям и выводам. В этом, и в серии других важных, на наш взгляд, частных моментах явное научное значение диссертации.

Объект, предмет, цели и задачи работы продуманы, четко сформулированы и последовательно изложены, согласуются с ее темой, положениями, выносимыми на защиту, и полученными результатами. Предметом исследования избран комплекс памятников с захоронениями по обряду трупосожжения населения Северо-Западного Кавказа. Сначала фигурируют прикладные и экспериментальные задачи, связанные с составлением детальной и развернутой базы данных в системном виде. Полученный добротный опытный материал выступает в виде научной базы для последующих обобщений и выводов. Изучение и интерпретация ведется поэтапно от более конкретных задач, к более общим: хронология, анализ

используется сравнительная методика анализа этих источников на широком территориально-культурном фоне южных и центральных районов Восточной Европы и иных контактных территорий. Принципиально новым является использование методов биоархеологического исследования с элементами общей и судебно-медицинской антропологии, которые дают возможность получить качественно отличные от ранее известных данных.

Практическая и научная ценность работы представляется несомненной. Ее результаты и сделанные обобщения необходимы для совершенствования содержания учебных курсов, образовательных и просветительских программ, структуры музейных экспозиций. Самостоятельное научно-практическое значение имеет сформированные код описания и информационно-поисковая система базы данных используемых в диссертации памятников.

Достаточно весомо личное участие автора в подготовке диссертации, выразившееся в полевом расширении доброкачественных материалов, детальном изучении музейных коллекций, ведении оригинальных научных разработок (геоинформационные, археолого-антропологические) и др. Значительная часть положений работы изложена в научных публикациях, обнародована и апробирована в ходе обсуждения на конференциях и семинарах.

Автореферат достаточно емко отражает основное содержание диссертации.

Работа состоит из двух томов – текстового и иллюстративного. Текст включает: Введение, пять глав, Заключение, список используемых источников и литературы. К текстовой части прилагаются 3 приложения: каталог памятников, структура информационно-поисковой системы и код описания погребального обряда кремационных некрополей. Альбом иллюстраций в объеме 125 листов содержит карты, статистические таблицы, графики, диаграммы, планы могильников и отдельных погребений, рисунки инвентарных наборов и категорий.

Во **Введении** рассматриваются и доходчиво излагаются указанные выше общие аспекты работы: обоснуются актуальность выбранной темы и цели исследования, уточняются задачи исследования, указываются географические и хронологические рамки, характеризуются используемые в работе методы анализа источников, аргументируется научная и практическая значимость работы, ее новизна, степень проработки и апробирования положений диссертации ее автором.

Глава I «**История изучения кремационных могильников Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв.**» содержит подробную характеристику не только истории изучения, но и историографический анализ основных работ исследователей по изучаемой теме. В ней отражено хорошее и глубокое знание диссертантом отечественной и некоторой зарубежной литературы по теме и смежным областям знаний, а также полевой документации. Следует принять предложенное разделение истории изучения кремационных некрополей исследуемого ареала в течение, начиная с последней трети XIX в. и до настоящего времени на три периода. Но всякая периодизация условна и в данном случае возникают вопросы: почему первый период заканчивается в 1914 г., а второй начинается в 1920-е годы, или, где же пролегает граница и что является рубежом между вторым и третьим периодами, если и тот и другой начинаются и заканчиваются в середине 1960-х годов?

Историографический обзор работ детален и полемичен, вводит читателя в круг спорных вопросов и проблем, решаемых в последующих разделах диссертации. Основная проблематика дискуссий связана с попытками определения обстоятельств появления средневекового обряда трупосожжений в регионе и этнической принадлежности его носителей. Предварительная позиция в этих вопросах такова: между кремациями античного времени и раннего средневековья выявляется значительный хронологический разрыв и определенные различия; большинство версий и гипотез этнической принадлежности (адыгская, абазинская, тюркская, угорская, касожская) не

лишены аргументов, но признать верной ту или иную из них П.С.Успенский не может. Однозначно отвергается русская версия Б.А. Рыбакова (С.42-52). В последующих разделах работы автором предпринимаются, в общем, оправданные попытки выдвинуть более верифицированную версию по данным ключевым проблемам на основании детального анализа источников и применения популярных, но, на наш взгляд, также не безукоризненных современных западных научно-философских концепций интерпретации (постпроцесуальный подход).

В большой по объему (67с) Главе II «**Хронология погребений по обряду трупосожжения из могильников Северо-Западного Кавказа**» разрабатываются хронологические аспекты. Автор и здесь демонстрирует в целом хороший уровень знания специальных исследований по средневековой хронологии Северного Кавказа, Крыма и Юго-Восточной Европы. Однако, почему-то не упомянуты построения в этой области Х.М. Мамаева по раннесредневековым памятникам Среднего Притеречья (1983,1985 и др.) и некоторые мои публикации, например, комплексов из Кольцо-Горы №1 (1986), которые впервые были узко датированы в пределах конца XI – первой половины XII в., что позволило примерно в таких же границах определить комплекс богатого кенотафа из могильника Андреевская щель - Е.А. Армарчук, 2006). В диссертации материалы из могильника Кольцо-Гора почему-то привлекаются без сносок на автора раскопок и публикаций (С.102).

Автор, конечно, прав в том, что комплексных хронологических разработок по всему объему кремационных захоронений Северо-Западного Кавказа до настоящего времени не было. К научным достижением П.С.Успенского следует отнести проведение объемной и кропотливой работы по применению многомерного статистического факторного анализа к сформированной им общей базе данных в соответствие со строгой научно-методической процедурой. Построенная им относительная хронология комплексов выглядит вполне очевидной и в целом не противоречит ранее

структурного и пространственного соотношения комплексов, выделение и обобщение социальных показателей и этнокультурных маркеров.

При определении территориальных границ автор преимущественно использует не географические, а археологические дефиниции. Им рассматриваются не Закубанье и Северо-Восточное Причерноморье в целом, а только зона распространения выявленных на сегодняшний день могильников, содержащих кремации. При этом не объясняется, к примеру, почему в эту зону не включен известный с 1950-х гг. и раскапываемый П.А. Дитлером могильник у пос. Колосовка на р. Фарс (около 30 погребений), включавший кремационные комплексы. Материалы этого некрополя привлекаются для хронологических аналогий (С.99).

Хронологические рамки в пределах VIII-XIII вв. установлены обоснованно. Не вызывает сомнения положение о том, что именно на VIII век приходится «начало широкого распространения» рассматриваемой погребальной практики в регионе (С.6). На современном уровне исследования можно считать убедительным определение времени прекращения традиции кремирования умерших в регионе на рубеже XIII-XIV вв.

Основную базу исследования представляют собой археологические погребальные материалы. Выборка их обширна – 725 комплексов из 47 могильников (эти цифры неоднократно называются в тексте диссертации). Автор, конечно, прав, когда считает анализируемую им базу полноценным и достаточно информативным историческим источником. И другие виды источников, включая письменную традицию, не обойдены вниманием в работе.

Особенно обстоятельно представлен методический инструментарий различных научных способов и приемов, которыми пользуется автор в работе. Он опирается на оправдавшие себя научные процедуры в области хронологии, геоинформатики, статистического и социологического анализа, применяемые исследователями (В.Б. Ковалевская, Г.Е Афанасьев, Д.С. Коробов и др.), дополняя и уточняя их на специфическом источниковом материале. Умело

выделенным периодам. Построения и суждения по абсолютным датам по-прежнему строятся, в основном, на традиционных способах подбора аналогий. Как и раньше, достаточно расплывчатыми остаются границы второго периода, обобщенно датируемого X-XII вв. Важно проведенное вычленение более узко датированных комплексов: VII – первая половина VIII вв.; вторая половина VIII- первая половина IX вв.; вторая половина IX – начало X в., XI- первая половина XII в.; вторая половина XII – XIII вв., но такая дифференциация нередко (например, для конца IX- начала X, рубежа XII – XIII вв.) продолжает носить предварительный характер, что осознается автором (СС.85,97 и др.).

Не достаточно убедительными кажутся объяснения наличия немалого количества предметов (украшения, детали костюма и др.) VII в.н.э. в ранних комплексах лишь переживанием вещей. Более ценно замечание о том, что обряд трупоположения постепенно сменялся трупосожжением на рубеже VII-VIII вв. (С.79). Мало прояснены и причины выявляющихся внутренних хронологических лакун (к примеру, в течение X в.). Сегодня нельзя однозначно связать такие ситуации с сокращением населения или неравномерностью изученности памятников (С.99). Сохраняется потребность в объяснении переходных между периодами и этапами ситуаций, когда в значительной мере продолжают жить вещи более раннего времени, особенно, на поздних этапах развития обряда. Эти обстоятельства могут служить одним из аргументов в пользу позиции автора об автохтонном характере носителей кремационного обряда на Северо-Западном Кавказе. Но явно требуется дальнейшее расширение источниковой базы и продолжение подобных глубоких проработок материала, добротная база для которых подготовлена П.С. Успенским.

Самая объемная (77с.) **Глава III** посвящена детальной характеристике изучаемых погребальных комплексов и реконструкции элементов погребального обряда носителей кремационных традиций на Северо-Западном Кавказе в изучаемый период. Она предваряется теоретическими рассуждениями

о специфическом характере погребального обряда вообще, информативности его археологического выражения с опорой на соответствующие разработки в этой области, при учете особенностей кремаций. Затем автор ставит более конкретные задачи данного раздела и поэтапно решает их. Важная роль отводится новым методам пространственного анализа, дающим оригинальные показательные результаты выделения двух ареалов (Северо-Восточное Причерноморье и степное Закубанье) и более локальных территориальных групп определенных выше хронологических периодов. Они различаются по характеру кремаций, размещению в погребальных конструкциях (ямы, каменные ящики, выкладки) и (или) урнах, положению их на площади могильников, связи с курганами (на позднем этапе), соотношению с другими типами захоронений и т.п. Выделяются также кенотафы, отдельные скопления погребального инвентаря и самостоятельные захоронения лошадей. Все типы, варианты и разновидности комплексов представлены и сравнены в детализированном виде, что позволило обстоятельно представить хронологические и территориальные особенности изучаемой обрядовой практики. Замечается эволюция инвентарных комплексов, например исчезновение железных топоров и резкое сокращение копий на 2-м периоде. Рассмотрение всех особенностей ведется на фоне их сравнения с другими территориями (Цебельда, Крым, Подонье и Подонцовье, Приднепровье, Нижний Дунай и др.).

В сформулированных выводах, касающиеся всего времени существования обряда кремаций в изучаемых районах, названы 10 показателей и характеристик данной традиции, которые позволяют считать ее в своей основе местной и преемственной (С.200). Но часть из них (захоронение лошадей, наличие заупокойной пищи, наличие кенотафов и др.) вполне могут служить, как отражением общих явлений в более широком территориально-хронологическом пространстве, так и импульсами внешних воздействий.

Глава IV «**Социальная стратификация населения Северо-Западного Кавказа по материалам кремационных могильников VIII–XIII вв.**» посвящена воссозданию уровня социального расслоения населения Северо-Западного Кавказа практиковавшего обряд кремирования умерщих, в его исторической динамике на всех этапах применения данной практики. И здесь автор обоснованно начинает изложение материала с общетеоретических и методических аспектов социологической интерпретации погребального обряда в его археологическом выражении, задумывается над терминологией и предлагает собственное понимание таких важных понятий как: «социальная стратификация», «социальная дифференциация», «общественное расслоение», называя их синонимами. Отстаивается и взаимосвязь социального и имущественного положения погребенных и живых членов средневековых сообществ. Читатель работы убеждается, что погребальный обряд «так или иначе, отражает социальное положение индивидов». Т.о., из числа приводимых П.С.Успенским концепций отечественной и зарубежной науки, сам он остается, в общем, на позициях позитивизма, хотя использует и наработки иного характера. Адресация к удачным примерам отечественных исследований в данной области Г.Е. Афанасьева, Д.С. Коробова, А.Г. Атавина вполне оправдана, хотя число таких примеров можно было бы и расширить. В данном случае, верно, что социологический анализ рассматриваемых материалов предшествует оценкам этнического их содержания. При этом очевидно, что П.С. Успенский в меньшей степени сориентирован на учет значимых признаков имущественного положения погребенных и их окружения, иных факторов (например, условия смерти и т.п.), также отражаемых в элементах обряда.

Часто и широко применяется термин «военизация общества». Его, в целом следует считать приемлемым, но через погребальный обряд мы, прежде всего, получаем отражение не самой организации и структуры средневекового войска, а степень престижности обладания оружием в общественном сознании мужской среды. Следует допускать существование в изучаемое время

этнографически засвидетельствованных фактов у народов Северного Кавказа, когда умершего несостоятельно и незнатного в реальности родственника близкие ему люди хоронили с оружием, которым он при жизни не обладал.

Важно подчеркнуть, что автору в целом удалось выделить и отделить обычно трудно дифференцируемые показатели социального и этнического свойства в данных изучаемых погребений, несмотря на их специфический характер, ограниченность и неполноту археологического выражения. В целом успешно применяя процедуры статистического и факторного анализа, П. Успенский убедительно воссоздает условные социальные ранги мужского населения обществ, практиковавших кремации на всех трех хронологических этапах. Причем на первом и втором этапах выделяется 2 ранга: воины-всадники и воины, которые могли быть при жизни, как всадниками, так и пехотинцами, а для конца XII-XIII вв. говорится о двух рангах всадников, различающихся по их социальному положению. Интересны пассажи и неоднозначной связи сабель со всадниками, о поясах как атрибутах социального положения мужчин, а значительно меньшем социальном расслоении отделенных от военной сферы женщин и др. Научные выводы представляются обоснованными на современном уровне накопления материала и его проработки.

Веским аргументом относительно невысокой степени отрыва социальной элиты от их родственной среды действительно является отсутствие выраженных элитных участков на изучаемых могильниках и практика погребения богатых сопровождающим их престижным инвентарем сородичей на общих с другими малоинвентарными и безинвентарными индивидами «вперемешку». Такая же практика преобладала на большей часть средневекового Северного Кавказа, что является отражением незавершенности процессов классообразования и феодализации в данной социальной среде. Следует поддержать автора в его полемике со сторонниками определения общества средневековых адыгов как раннефеодального или даже находящегося на стадии феодальной раздробленности. Применяемый им термин «племенное

общество» на догосударственной стадии с пережитками «военной демократии» (С.251) более соответствует и на наш взгляд существовавшей реальности. Следует указать, при этом, что недостаточно четко получилось обосновать в работе более низкий уровень социального расслоения у носителей обряда трупосожжения в X-XII вв. по отношению к VIII-IX вв. Наверно сказалась различная степень статистической представительности проанализированных данных. Хотя сам факт вариации общественной дифференциации на различных стадиях классообразования и политогенеза - явление широко распространенное.

В обобщающей и в значительной мере итоговой Главе V «**Население Северо-Западного Кавказа в свете письменных источников и археологических данных**» П.С. Успенский, подробно обсуждая актуальные проблемы происхождения и распространения обряда кремаций на Северо-Западном Кавказе, соотносит носителей данной традиции с отраженными в письменных источниках местными этническими сообществами зихов и касогов. Как основные научные выводы предлагаются авторские умозаключения о том, что проведенный анализ демонстрирует главный «тренд – континуитет» территории, на которой расположены могильники с погребениями по обряду трупосожжения VIII–XIII вв., факт использования населением серии некрополей на протяжении рассматриваемых хронологических отрезков, а также появление новых могильников внутри выделенных территориальных групп. Подчеркивается сохранение основных черт погребального обряда: сожжение покойного на стороне с последующим погребением, сожжение вместе с телом умершего части инвентаря, обычай преднамеренной порчи части вещей, сопровождающих умершего. Все перечисленное, по мнению автора, свидетельствует о **прямой преемственности и взаимосвязи кремаций** в течение всего исследуемого хронологического отрезка с конца VII до второй половины XIII в. Можно поспорить с некоторыми частными из названных позиций моментами, например: почему нельзя допустить инфильтрацию пришлых этнокультурных элементов в местную среду и использование ими

общих с локализованными участками кремационных комплексов и, тем более, новых могильников в общих территориальных границах? Но в целом концепция автора выглядит цельной, логичной и аргументировано выстроенной, что еще раз закреплено в изложенных в **Заключение** выводах работы. Многие из этих выводов перспективны и могут разрабатываться в дальнейшем, хотя и не закрывают все спорные и недостаточно исследованные ракурсы темы.

То, что диссертация сопровождается большим иллюстративным и вспомогательным материалом, помещенным в Приложениях, существенно усиливают ее научную значимость.

Текст работы и реферата написаны вполне корректным и понятным в литературном отношении языком. Но обширное изложение материала, конечно, не лишено неточностей и опечаток, как в тексте, так и в подписях к таблицам в Приложениях (например, Рис.99). Так, автор называет ученицу и коллегу профессора В.Б. Виноградова доктора исторических наук, профессора, специалиста в области русско-северокавказских отношений Светлану Александровну Голованову «Голововановым» (С.257 и др.). На С.25 приведено неточное и неполное название Краснодарского музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. На СС.54-52 применен неудачный стиль с частыми повторами слова «посвящена» (-о, -щенная), а на С.197 – часто повторяются выражения «погребальный обряд» и «практика». На СС.255 и 257, кажется можно было применить условные термины «сюзерен» и «сюзеренитет», а не «суверен» и «суверенитет». Но все приведенные факты не снижают общего достаточно высокого научного уровня исследования.

Помещенный в автореферате, список из 15 опубликованных работ, в том числе, три в изданиях, рекомендованных ВАКом, характеризует П.С. Успенского как уже вполне состоявшегося исследователя, в той области, которой посвящена диссертация. Автору явно присуща научная этика, и он неоднократно указывает заслуги своих предшественников, деликатно выражает

благодарности наставникам, коллегам и друзьям, проявившим участие в подготовке и оказавшим содействие в повышении качественного уровня его исследования.

Данные соображения дополняют указанные выше положительные характеристики работы. Все сказанное в совокупности позволяет считать, что диссертационный труд П.С. Успенского является самостоятельным научно значимым исследованием, соответствующим критериям и показателям работы, выводящей изучаемый материал на качественно новый этап его осмысления и исторической интерпретации. Автор диссертации вполне заслуживает присвоения ему искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Директор государственного бюджетного учреждения
культуры Ставропольского края
«Пятигорский краеведческий музей»,
кандидат исторических наук,
заслуженный работник культуры РФ С.Н.САВЕНКО

357501, Ставропольский край, г. Пятигорск, ул. Братьев Бернардацци, 2
+7 (879-3) 33-0851 gbyksk.pkm@gmail.com http://museumpsk.wmsite.ru/

Подпись
С.Н. Савенко
Заверяю
22.04.2015

Специалист по кадрам Сербиенко О.Г.